DOI 10.31912/pvrli-2021.4.0

И. А. Горбушина
(Россия, Москва)
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
irgor84@yandex.ru

ПРОБЛЕМА МОРФОДЕЛЕНИЯ ЛЕКСЕМ В ЭТИМОЛОГИИ*

Статья посвящена проблеме связи словообразования и этимологии. В качестве иллюстрации проанализировано четыре слова, имеющие различные этимологии, в зависимости от их предполагаемой словообразовательной структуры: *невеста*, *опока*, *мотрошить* и *сивуха*. Приведены и рассмотрены заслуживающие наибольшего внимания этимологии каждого из этих слов и сделаны выводы, которые из данных этимологий являются наиболее убедительными с точки зрения словообразования.

Ключевые слова: этимология, словообразование, морфемное членение, словообразовательная структура слова, спорные этимологии.

Проблема морфоделения в этимологии является тривиальной, однако она остается проблемой, так как существуют аргументы в пользу различных решений. Это можно видеть на примере ЭССЯ, в том числе в статьях, написанных самим О. Н. Трубачевым.

В современной этимологии считается, что этимологический анализ лексемы должен опираться в первую очередь на её формальный компонент.

«Цель этимологического исследования в современном языкознании определяется как решение проблемы происхождения слова, причём внимание исследователя концентрируется не столько на поисках этимона (т. е. сочетания первичной формы с первичным значением), сколько на определении модели образования слова в его фонетической форме, составе морфем и значении на базе соответствующей языковой системы» [Варбот 1984, 194–212].

Определение исходной словообразовательной структуры слова должно опираться, разумеется, на представления об истории словообразовательной системы

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

языка. В этом заключается принципиальное отличие этимологического анализа от словообразовательного анализа слова на современном уровне, так называемого синхронного словообразовательного анализа.

Среди отечественных лингвистов в XX веке велись серьёзные дискуссии по поводу границ синхронного словообразования. Начиная с работ Г. О. Винокура, словообразование изучалось преимущественно в синхронном аспекте: так, Винокур считал слово *басня* непроизводным, хотя этимологически оно восходит к глаголу *баять*, а *охота* и *смерть* в русском языке — уже не соотносящимися со словами *хотеть* и *-мереть.*

Требование разграничения синхронного и диахронического словообразования иногда формулируется как отрицание собственно синхронного словообразования: «...словообразование в своей сущности исторично и поэтому принадлежит к той же области, что и этимология» [Трубачев 154].

В. А. Никонов в статье «Поиски системы» утверждает, что поскольку слово — член языковой системы, то и изучать его надо с точки зрения структуры словообразовательных рядов в их историческом развитии, то есть диахронически: «...этимология слова чаще всего обязана именно формальным изменениям, которые несут не меньше информации, чем основа» [Никонов, 224–225].

Поскольку соединение морфем в слово определяется мотивацией, то гипотеза о морфемном составе необходимо соотносится с семантикой слова и представлением о ее возможных исторических изменениях. Таким образом, словообразовательный анализ получает функции корректора, подтверждающего или отвергающего, в соответствии с вероятностью словообразовательной модели, предполагаемую семантикой связь.

История этимологизации многих слов свидетельствует о достижении убедительных толкований только при учете истории словообразования.

Прямая связь этимологии и словообразования обнаруживается существованием множественности этимологических толкований для русских и славянских лексем, определяемой возможностью вариантного морфемного членения в соотношении с различными мотивационными моделями.

Примером этого могут служить слова, относительно этимологии которых до сих пор ведутся споры: *невеста, опока, мотрошить* и *сивуха.*

Невеста. Существует несколько этимологий данного слова. Остановимся на двух, более других признаваемых обоснованными.

1) Этимология Ф. Миклошича: *невѣста* < **ne-uoid-ta* ‘неизвестная’ (и.-е. корень **uoid-* ‘знать’). Слабая сторона данной версии заключается в том, что слав. **veděti* ‘знать’ традиционно относилось к вещам. С другой стороны (по углубленной версии О. Н. Трубачева), в и.-е. языках нередко наблюдается сближение «женского» и «вещного» рода; или же применение «вещного» глагола **veděti* по отношению к новобрачной является следствием табуирования: девушку, похищенную из чужого племени, могли называть «неизвестной» независимо от того, знали ли ее в действительности родные жениха, «причина чего коренится в страхе перед

демонами, накладывавшем отпечаток на обряды сватовства и свадьбы» [ЭССЯ 25: 72]: уходя из родной семьи, рода, девушка теряла покровительство духов этого рода, но покровительство духов семьи мужа получала только после свадьбы. Безопаснее для нее было считаться временно неизвестной.

2) Этимология, упоминаемая уже Миклошичем, но разработанная Прусиком: праслав. **nevo-ved-ta*, как ‘нововведенная (в род, в семью)’. Данная версия подтверждается многочисленными словообразовательными и семантическими параллелями в других индоевропейских языках: лит. *vedù*, *vèsti* ‘жениться’ (букв. ‘вести (невесту в дом)’, *naujavedỹs* ‘новобрачный’, *nauveda* ‘новобрачная’, лтш. *vedu, vest* ‘жениться’, др.-инд. *vadhū́ḥ*, авест. *vaδū* ‘невеста, молодая жена’, др.-греч. ἕδνον ‘брачные дары, приданое’, англ. *wed* ‘выдавать замуж, женить’ и др. Слабость этой версии заключается в отсутствии объяснения долготы в корне *ved-*.

Опока. Слово *опока* ‘скала, камень; вид известняка; иней; рама для литейной формы’ также имеет несколько этимологий:

1) Этимология Ф. Миклошича: слово реконструируется как **o(b)-pok-a* и выводится из глагола **pekti*, то есть в основу наименования положено понятие ‘каменный очаг’.

2) Этимология В. Махека: **o(b)-pok-a* / **o(b)-pǫk-a* / *o(b)-puk-a* < **pokati* / **pǫkati* / **pukati* ‘трескаться’. В основу положено свойство известняка легко трескаться в результате выветривания.

3) Этимология Ж. Ж. Варбот: **(v)op-oka*, производное от и.-е. **ap-* ‘вода’ (ср. слав. **(v)арьпо* ‘известь’), то есть ‘известняк у воды‘. Это подтверждается кашуб. *opoka* ‘болото, торфяник, преимущественно у моря’ и ст.-слав. **вапа** ‘озеро, болото’. «Известняк же (как и мергель, и опока) является одной из осадочных горных пород, образование которых тесно связано с разрушением более ранних пород в результате деятельности ветра и воды. Поэтому осадочные породы обычно обнаруживаются на склонах возвышенностей, в долинах рек, в бассейнах морей и озер. Представляется достаточно вероятным, что в названии подобной породы был использован корень с первичным значением ‘вода’». [Варбот 2011: 325]. То есть здесь можно наблюдать метонимический перенос значения: ‘болото (вода)’ > ‘известняк у воды’.

Л. В. Куркина, соглашаясь с этимологией Ф. Миклошича (**o(b)-pok-a* < **pekti*), толкует ее несколько иначе, исходя из значения ‘иней’: «Для понимания внутренней формы этого слова особенно важно следующее описание: «*Опока* садится на деревья, когда отпустит, после сильных морозов: сырость воздуха мерзнет на промерзлом дереве, накипает, *опекает* его; вязкая глина, опока, пристает к сошнику и заступу, липнет или *опекает. Опочник — опóковый*, *опóчный* камень, мергель, торф» [Даль II: 681]. Следовательно, *опока* — это не только камень, известняк, но и вязкая глина, иней, мягкое, рыхлое вещество — все то, что оседает, образует покрытие, внешний слой, отложение. При определенных атмосферных условиях, особенно при резком перепаде температуры, вода, содержащаяся в разных веществах, а также в воздухе, застывает, и в результате образуются наросты на поверхности, затвердевшее покрытие» [Куркина 82]. Однако это толкование может подтверждать и версию Ж. Ж. Варбот: иней — тоже вода.

Наконец, нельзя игнорировать многочисленные топонимы и гидронимы, явно родственные слову *опока*: словен. *Opečnik*, с.-хорв. *Opeka,* чеш. *Opočen*, словен. *Opoka*, *Vopoka; Апака, Апажа* (Верх. Поднепровье). С одной стороны, они подтверждают связь с водой, с другой — чередование *о/е* заставляет вспомнить о глаголе **pekti*.

Возможно, что очевидная ассоциация с **pekti* является следствием преобразования слова по модели народной этимологии в глубокой праславянской древности.

Мотроши́ть. Этот глагол имеет довольно широкий спектр значений: др.-рус. *мотроши́ть* ‘суетиться’, рус. диал. *мотроши́ть* ‘идти мелкими каплями, моросить (о дожде)’, ‘суетиться’, ‘заниматься чем-либо ради средств к жизни, перебиваться’, ‘плохо, неумело торговать’, воровать, ‘лечить заговором, колдовать’, ‘теребить лён’, ‘перепадать (о снеге)’, ‘часто меняться, перемежаться (о погоде)’, ‘быстро бежать’, ‘тягаться, судиться’, а также (в форме *мотро́сить*) ‘знобить, трясти’ и ‘катая, сбивать из шерсти голенище валенка’. В других восточнославянских языках этот глагол имеет меньше значений: укр. *мотроши́ти* ‘порошить’, ‘идти, падать (о снеге)’, блр. диал. *матрашы́ць* ‘моросить, сеять, как через сито (о дожде)’, ‘знобить, трясти’ [ЭССЯ 20: 67–68]. В других славянских языках этот глагол не зафиксирован: по-видимому, он является восточнославянским диалектизмом.

Все приведенные значения можно объединить семой ‘торопливое, мелкое, беспорядочное движение’ и, по словам авторов «Этимологического словаря славянских языков», этот глагол «как формально, так и по семантическим характеристикам ... почти равнозначно тяготеет к различным этимологическим гнёздам» [ЭССЯ 20: 68]. Т. В. Горячева делит этот глагол на экспрессивный префикс **мо-* и корень *трош-* (< **trox-a* < **ter-* ‘тереть’) [Горячева, 92–97]. Таким образом, при исходной семантике глагола **trošiti* ‘ломать, крошить’ из нее логично выводятся значения, объединённые семой ‘беспорядочное движение’.

Однако с точки зрения Ж. Ж. Варбот, **motrošiti* можно делить и как **mot-r-ošiti*, то есть выводить его из корня **met-/mot-* ‘крутить, бросать’ (ср. **mesti, *motati*, которые обозначают резкое движение). Эта версия лучше объясняет значение глагола *мотроси́ть* ‘катая, сбивать из шерсти голенище валенка’; значения же ‘моросить’, ‘падать (о снеге)’ сближаются со значением глагола **mesti* ‘идти (о снеге)’.

В целом версия Т. В. Горячевой представляется более обоснованной. Явно не первичное значение ‘катая, сбивать из шерсти голенище валенка’ — единственное, которое работает на версию о родстве с корнем **met-/mot-*; все остальные обозначают не резкое движение, а, как уже говорилось, мелкое, беспорядочное, что гораздо ближе к семантике глагола **trošiti*.

С формальной же стороны уязвимым местом версии Ж. Ж. Варбот является редкость соединения *-р-* с корнем *мот-* (см. реконстр. ***motr-* на базе одного русского диалектного *мотровый* ‘вязаный’ [ЭССЯ 20: 64–65]).

Сивуха. Важным свидетельством связи этимологического толкования со словообразованием является деэтимологизация. Примером этого может служить слово *сивуха* ‘дешёвая неочищенная водка’, которое предположительно производилось

А. Г. Преображенским от прилагательного *сивый*, но без объяснения. М. Фасмер соглашался с ним, считая, что водка названа так из-за окраски [Фасмер III: 617].

Н. С. Арапова считает сомнительным название напитка по цвету, при очевидном признаке — дурном запахе. На этом основывается ее толкование исторической словообразовательной структуры как *пс-ив-ух-а*, произведённое от прилагательного *псивый* и основанное на неприятном (псином) запахе. Это подтверждается и тем, что в старорусском языке вариантным обозначением дешёвой водки низкого качества было *псинуха*, позднее исчезнувшее из языка: «Оно зафиксировано в “Писмословии” Н. Г. Курганова 1769 года: “Французская [водка] недорога по восьми гривен штоф, а сивухи или псинухи почти в два с двадцатью ведро”» [Цит. по: Арапова, 110–111].

Литература

Арапова Н. С. *Псивый* и *сивуха* // Русская речь. 2003. № 3. С. 110–111.

Варбот 1984 — Варбот Ж. Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // Этимологические исследования. Исследования по русскому и другим языкам. М. 1984.

Варбот 2011 — Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. СПб, 2011.

Горячева Т. В. К этимологии рус. диал. *мотрошить* // Этимология 1979. М. 1981. С. 92–97.

Куркина Л. В. Славянское слово во времени и пространстве. М. 2020.

Никонов В. А. Поиски системы // Этимология 1963. М.: Наука, 1963. С. 217–235.

Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб, 1996.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под. ред. О. Н. Трубачёва. Вып. 20. М.: Наука, 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под. ред. О. Н. Трубачёва. Вып. 25. М.: Наука, 1999.

I. A. Gorbushina
(Russia, Moscow)
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
irgor84@yandex.ru

THE PROBLEM OF MOFPHOLOGICAL DIVISION OF LEXEMES IN ETYMOLOGY

The article is devoted to the issue of interdependence between etymology and word-formational analysis of the etymologized word. To illustrate the point, four words with variant etymologies are reviewed, showing that their etymological interpretations may

vary depending on which word-formational structure is assumed: *невеста* ‘bride’, *опока* ‘rock; hoarfrost’, *мотрошить* ‘to drizzle; to bustle about’ и *сивуха* ‘cheap, nonpurified vodka’. The most noteworthy etymologies for each of these words are cited and discussed, and conclusions are drawn as to which of these etymologies are more convincing from the point of view of word structure.

Key words: etymology, word formation, morphological division, word-formation structure of the word, different etymologies.

References

Arapova N. S. Psivyj ‘*dog-like’ i* sivucha *‘cheap vodka’* // *Russkaya rech* [Russian Speech]. 2003. №3. P. 110–111.

Varbot Zh. Zh. *O slovoobrazovatel’nom analize v etimologicheskich issledovaniyach* [On Derivational Analysis in Etymological Research] *// Etimologicheskie issledovaniya. Issledovaniya po russkomu i drugim yazykam* [Etymological Explorations. Studies of Russian and Other Languages]. Moscow, 1984.

Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoi i slavyanskoi etimologii* [Explorations in Russian and Slavic Etymology]. Saint Petersburg, 2011.

Goryacheva T. V. *K etimologii rus. dial.* motroshit’ ‘*to drizzle, to bustle about, etc.*’ [On the etymology of Russ. dial. *motroshit’*] // *Etimologiya* 1979 [Etymology 1979]. M. 1981. S. 92–97.

Kurkina L. V. *Slavianskoe slovo vo vremeni i prostranstve* [Slavic Word in Time and Space]. Moscow, 2020.

Nikonov V. A. *Poiski sistemy* [Searching for a System] // *Etimologiya* [Etymology] 1963. Moscow: Nauka Publ., 1963. P. 217–235.

Trubachev O. N. *Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika* [Etymological Research and Lexical Semantics] *// Principy i metody etimologicheskich issledovanii* [Principles and Methods of Etymological Research]. Moscow: Nauka Publ., 1976.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, 1996.

ESSJa — *Etimologicheskii slovar’ slavyanskich yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 20. Edited by Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR O. N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1994.

ESSJa — *Etimologicheskii slovar’ slavyanskich yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 25. Edited by Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR O. N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1999.